

1. Остров

Щуки Варю пугали. Они были хмурыми, насупленными, а из их пастей острыми сталактитами торчали ряды зубов. Сожрут и не заметят.

— Да не бойся, эта уже не укусит, — усмехнулся Андрей. В тишине острова его голос звучал непривычно громко. Варя не могла отвести взгляда от щуки — точнее, того, что от нее осталось. Массивная рыба тушка, местами обглоданная и иссохшая, покоилась в сплетении веток ивы, раскинувшей свои зеленые лапы у самого берега реки Онеги. Варя бы и не заметила мертвые вытаращенные глаза в пышной листве, если бы Андрей не подозревал ее после ужина.

— Нашел тебе кое-что для мяса, — сказал он. В глазах у него сверкали искорки энтузиазма.

— Чего? — не поняла Варя.

— Ну, как вы это в журналистике называете? Чтоб пожирнее было.

— Фактура? — неуверенно предложила Варя.

— Ага! Самое то! Пойдем.

На берегу Онеги стоял зыбкий туман, так и норовящий залезть своими полупрозрачными тонкими пальцами под одежду. Оставив Варю у воды, Андрей пошел на косой самодельный причал, оставил там удочки, любовно огладив их ладонью. Варя

стояла в непонимании и ежилась от холода. Она попыталась поглубже нырнуть носом в теплый ворот своей фиолетовой флиски, но это не помогло. Наконец Андрей двинулся к иве, приподнял ее мощные ветви и рукой поманил к себе Варю. Та неуверенно подошла.

— Вон, глянь! — кивнул он вглубь ветвей.

Варя, нахмурившись, зашарила взглядом по зелени. И вдруг наткнулась на пару мертвых глаз, которые, казалось, смотрели на нее в ответ. Она оцепенела, приоткрыв рот в удивлении, но ничего не смогла произнести. Из ветвей на нее таращилась огромная щука. Ее пасть была разинута, окаймлена белыми острыми зубами, а внутри, укутавшись в веточки и сухие травинки, ютились пестрые птенцы жаворонков. Они негромко попискивали, настороженно глядели на Варю, но с места не двигались.

— Как тебе? — спросил Андрей нетерпеливо.

Варя, стараясь не распугать крошечных птенцов, вышла из-под листьев ивы обратно на берег.

— Как такое могло произойти? — вместо ответа спросила она.

Андрей пожал плечами.

— Может, щука выпрыгнула из воды за добычей, — сказал он. — Они, знаешь ли, довольно высоко прыгают. Хищники все-таки. А может, это нечисть в нее вселилась — и как прыгнет! Но, скорее всего, просто кто-то ее выловил и оставил тут, а птички приватизировали. Такой круговорот жизни и смерти.

— Но на острове никого, кроме нас, нет. Нечисть, я думаю, тут тоже не водится, — скептическиотреагировала Варя.

— Не скажи, — пожал плечами Андрей. Варя вопросительно приподняла брови, но Андрей уже направился обратно к причалу, где лежали удочки: здесь еду нужно было поймать самостоятельно.

Варя проводила его взглядом: вот он забирается на причал, а тот качается на странных речных волнах. Варя вообще не думала, что так бывает, но Онега жила своей свободной жизнью и разгоняла волны, даже когда день стоял тихий и безлодочный. «Дитя асфальта», — сказал бы папа в ответ на Варино удивление деревенской жизнью и был бы прав. Варя — городская девчонка от и до. Но папы больше не было, и ничего сказать он не мог.

Андрей тем временем уже умело забросил удочку в воду и замер на краю причала, пока поплавок мелькал оранжевой вспышкой вдалеке.

— Ну, я пойду, — сказала Варя в спину Андрею. Он был невысокий и худощавый, с растрепанными тонкими волосами оттенка настолько невзрачного, что они казались бесцветными. На нем были извечные резиновые сапоги и камуфляжная куртка — заношенная и застиранная будто в этих же самых онежских водах.

— А? — рассеянно отозвался он, уже погруженный в рыбалку, и обернулся через плечо. — А! Иди-иди, не пугай мне рыбу.

Варя кивнула, поджав губы, и, развернувшись на пятках, двинулась прочь с берега. Рыхловатый и влажный песок под ногами закончился спустя буквально несколько шагов, и Варя ступила на хорошо протоптанную узкую тропинку через поле. За пару дней на острове, объятom рукавами реки Онеги, эта тропинка уже стала привычной: смарт-часы на запястье показывали ровно один километр от воды до «малой цивилизации». «Большой» Варя это называть не решалась, да и само слово «цивилизация» звучало громко.

На острове, куда она приехала — точнее, приплыла, — чтобы работать над материалом для медиа «Луч» про восстановление деревянных церквей Русского Севера, жизни не было. Зачем там тогда восстанавливать церковь, Варя не очень понимала,

но Андрей — рыбак из Большого Бора, поселка на берегу Онеги, чей телефон ей дали волонтеры, — верил: если восстановить церковь, может, и жизнь появится. В его уверенной речи еще мелькало слово «градообразующий», явно вычитанное из завезенных волонтерами книжек по урбанистике, но Варе всегда казалось, что это больше про заводы и всякие креативные кластеры. В Москве она была равнодушна к церквям и замечала белые стены и цветные купола, только если при них вдруг открывались новомодные православные кофейни. Ее всегда забавляло, как, если покупаешь там кофе, сообщение о списании денег от банка приходит с припиской «пожертвование». Плюс одно доброе дело за сегодня, отстраненно думала она обычно.

Но это было в Москве — кажется, уже давно и неправда. В деревне Мондино на острове обстановка ничем не напоми-

нала Москву. Семь домиков: в одном из них, самом обжитом волонтерами за годы экспедиций, поселились Варя с художницей Машей Ивик — та как раз приехала писать иконы в церкви; в другом, поскромнее и поменьше, — Андрей со своим нескончаемым набором удочек и походным рюкзаком. Домики были старые — начала прошлого века, как объяснил Андрей, когда они только оказались на острове.

— И они все еще не развалились? — спросила тогда Варя удивленно, поправляя лямки рюкзака.

— Мертвые дома долго не падают, — ответил Андрей, пожимая плечами. Варя не нашлась, что сказать.

Что-то эдакое Андрей вообще говорил часто. Наверное, другой бэкграунд, рассуждала она и старалась не заикливаться. Получалось плохо. По ночам в попытках заснуть она вертелась сама и вертела в голове все странные фразы, что говорил Андрей за день, препарировала их, как несчастную лягушку, расковыривала на слова, слоги и звуки. Потаенный смысл упорно не находился, и Варя продолжала делать ментальные заметки о каждом диалоге, который у нее случался с рыбаком.

Домики тонули в полях фиолетового иван-чая. Чуть дальше была церковь — покосившаяся громадина; кажется, чуть тронь неправильную балку — развалится. Эти церкви на Русском Севере, среди просторов полей и лесов, которые не охватить взглядом, казались Варе маяками посреди взбалмошных морских волн, только вместо волн — высоченная трава, цветные всполохи полевых цветов и в отдалении обязательно угрюмые хвойные леса. На острове лес тоже был, но малая цивилизация Вари ограничивалась парой километров от берега Онеги до волонтерских домиков. Дальше ходить было страшно, да и не нужно.

На пороге церкви Варя остановилась. Ступени были высокие и скрипучие, кое-где их подновили свежей древесиной, слишком светлой и гладкой — она выбивалась из основного темного массива церкви. Навес над порогом тоже был кривоватый — под стать шатровой восьмигранной колокольне, которая, как корона, высилась над церковью и уходила в тяжелое серое небо. Все наперекосяк, думала Варя, но во всем этом была какая-то настоящесть, которую она редко видела в вылизанных пределах МКАДа. Папе бы тут понравилось, решила она, прикрыв глаза и утопая в тишине вокруг. От этой мысли к горлу подступили слезы, и Варя сжала челюсти и покачала головой.

Тишина не была долгой — совсем скоро по двускатной крыше над порогом забарабанил дождь, и Варя быстро нырнула в потемки церкви. Та была классической корабельной формы: колокольня, трапезная, алтарное пространство. Внутри было темно и тихо, только голуби курлыкали и вили гнезда ближе к хорам и куполу.

— Маш? — позвала Варя, на цыпочках ступая по скрипучим и кое-где просевшим доскам. — Ты тут?

Под ногами хрустело: то ли облупившаяся краска, то ли еще какой строительный мусор вроде старого рубероида с крыши, который никто из предыдущих и уже уехавших волонтерских экспедиций не удосужился убрать. Варя на пару с Машей тоже не собирались этим заниматься — они тут, конечно, по работе, но по другой. Варя пересекла трапезную, по которой летала пыль, заметная даже в тусклом свете окон по бокам, и переступила порог нефа.

— Кхм-кхм, — громко откашлялась она, пытаясь привлечь внимание Маши. Та сидела у деревянного мольберта спиной к Варе, окруженная электрическим светом, дрожащим

и изредка мигающим в полутьме. Солнечные батареи, которые питали лампы, фонари и аккумуляторы, давно бы следовало зарядить как следует, но солнце не выглядывало из-за облаков целый день, и лампы заряжались чересчур медленно.

В мерцающем свете Маша казалась Варя иконописцем на полях средневековых рукописей, только в современной интерпретации: ее кудрявые медные волосы торчали в разные стороны, едва сдерживаемые заколкой на затылке и массивными наушниками, из которых неразборчиво мурлыкала музыка, а сама она сидела в позе кровати, немыслимым образом подогнув под себя ноги. «Мне так удобнее», — сказала она, пожав плечами, когда Варя впервые увидела ее за работой. «А спина?» — «Чего только не сделаешь ради искусства». Уточнить, что ради искусства она сама бы вообще ничего не сделала, Варя не стала — только брови приподняла.

— Эй! — Варя аккуратно тронула Машу за плечо. Та вздрогнула от неожиданности и, сдвинув наушник с одного уха, повернулась. — У тебя еще не сдох телефон?

— Йоу, — отозвалась Маша. — Не, не ссы, у меня с собой пауэрбанк больше, чем трусов.

Варя коротко хмыкнула и покачала головой. Пауэрбанки в этой командировке и правда были на вес золота.

— Как оно?

— Да пишу вон потихоньку. Темно только ужасно! Если завтра не прояснится, буду, видимо, опять в потемках корячиться, — поморщилась Маша. — А текстик твой как?

— Скучаю по ноуту, — вздохнула Варя. — В заметках и от руки, конечно, вообще не приколот писать.

— Как в старые добрые, чего ты! Хотя не при свечах, и на том спасибо.

— У тебя удивительно низкая планка.

— Была бы высокая, я бы с Бали на фрилансе работала, — усмехнулась Маша и отложила кисть на подрамник мольберта. — А не вот это все. Но признай, что свой вайб тут есть!

— На тоненького, но допустим, — вяло согласилась Варя.

Маша улыбнулась ей уголком губ и посмотрела на плотный лист, небрежно пришпиленный кнопками к мольберту. Варя проследила за ее взглядом. Все эти дни Маша корпела над списком с иконы «Иоанн Предтеча — Ангел пустыни». Оригинал когда-то давно располагался на иконостасе в Мондине, но потом его забрала эрмитажная экспедиция — то ли из желания спасти из разрушающейся церкви, то ли для музейной коллекции. Оригинал волонтерам, конечно, не отдали, но сделать список никто не запрещал — а заодно попросить художников помочь с консервацией росписей на деревянных панелях внутри церкви. На листе Маши уже зеленели драпировки одежд Иоанна, то тут, то там были натканы кустики на фоне.

— Красиво? — спросила вдруг Маша, поймав взгляд Вари.

— Похоже, — кивнула Варя на небольшое изображение оригинальной иконы, распечатанное на принтере и висевшее сбоку на мольберте. — Все еще не понимаю, зачем мучиться и рисовать это все тут, если можно в Москве, в комфорте.

— Да и текст ты бы могла написать в Москве, в комфорте, не? — иронично спросила Маша.

— Для текста нужна фактура, — пожала плечами Варя. — Пространство, атмосфера, понимание инфраструктуры тут, на острове.

— Точнее, ее отсутствия, — поправила Маша.

— Ну да.

— Ну вот мы с тобой и собираем. Ты фактуру, я атмосферу. Масштабы алтаря тоже хорошо вживую оценить, хотя

муторно это все, не спору. Но мне хотя бы особо не надо общаться с этим...

Варя нахмурилась:

— С Андреем?

— Ага, — кивнула Маша. Варя вопросительно изогнула бровь. — Да странный он какой-то. Иногда как ляпнет чего, я потом полдня пишу и думаю: это он просто деревенский, или поехавший, или взаправду тут чертовщина какая-то?

— Какая чертовщина? Тут церковь. — Варя обвела руками пространство. — Хотя в тишине и без интернетов у меня тоже немного того... Крыша если не едет, то подтекает чутка точно.

Маша рассмеялась. Ее смех пронесся по полупустому пространству и разбился под куполом, ненадолго зависнув там эхом.

— Он мне сейчас щуку показал на берегу, — продолжила Варя. — Мертвую. Из нее птицы гнездо сделали, представляешь? И она вот лежит, разлагается в ветках ивы, а глаза у нее мертвые и сухие. А птицам нормально. Домик новый. Андрей сказал, это мне для фактуры. А я эту проклятую щуку развидеть теперь не могу.

Маша обеспокоенно оглядела Варю.

— Треш, конечно. Меня, видимо, господь уберег. — Она обвела взглядом пространство церкви. — Ладно, давай закругляться на сегодня. Время православного спа.

Маша бодро вскочила с неустойчивого стульчика, промыла кисти в стеклянной банке, на которой еще угадывалась наклейка с надписью «Дядя Ваня», оставила их сушиться. В ее дерганных перемещениях Варя видела еще и городская суета: быстрые, рваные движения, бегающий взгляд, будто залитый парой-тройкой слишком крепких дрип-пакетов с кофе, шепутные пальцы, перебирающие по невидимому сенсорному экрану. Варя и сама

была такой, но за несколько дней на острове через силу старалась себя замедлить, примерить эту оболочку спокойствия в глуши, которая так шла Андрею и так нелепо смотрелась на них с Машей.

Тяжелее всего оказалось не проверять телефон каждые пять минут. Они, конечно, набрали пауэрбанков с лихвой, но смысла в них почти не было: связь ловила только на колокольне, а карабкаться туда в одиночку и в темноте не стоило, волонтеры так и не достроили перила за весенне-летнюю вылазку, первую в этом году.

— Погнали? — прервала Маша Варины мысли.

— Погнали.

Маша щелкнула выключателем, и звук электричества, такой непривычный и неподходящий островному безмолвию, смолк. Варя вздохнула с облегчением. Если что ее и бесило в цивилизации, так это электрический шум — она слышала его повсюду и всегда, в тишине и в бурлении звуков в городе. Он был назойливой мошкой, которая летает над ухом и которую невозможно пришибить ни с первой, ни с пятой попытки: уж больно она ловка и незаметна.

Дождь на улице все еще накрапывал, но хотя бы лить как из ведра перестал. Маша натянула капюшон цветастой толстовки на макушку, и Варя пожалела, что в ее флиске такие технологии не предусмотрены. По неровной узкой тропинке в высокой траве они шли след в след, не говоря ни слова. Варя чувствовала, как влага с неба и с зелени вокруг оседает на ее одежде крошечными капельками.

Ощущение сырости на острове вообще было непрекращающимся — Варю до сих пор передергивало, когда она вспоминала, как они впервые зашли в волонтерский дом. Он был чуть более обжитой, чем все остальные мертвые строения, но

большую часть года пустовал. Воздух внутри него был затхлый, застоявшийся, а сырость, кажется, настолько плотно проникла во все ткани — тяжелые шторы, старые советские покрывала на пружинистых кроватях, полотенца у печи, — что от нее не вышло бы избавиться, даже если прожить в этом доме месяц и регулярно топить старинную печку. Постепенно Варя если не смирилась, то привыкла. Сейчас ей казалось, что она и сама сырая, пропитанная влажной седой пылью и туманным паром. Она как никогда явственно чувствовала, что ее тело — настоящее и плотное, а не кукольный манекен, вечно спешащий по делам, но это новое самоощущение давалось ей тяжело.

— О, девчат! — вдруг послышался голос Андрея, и Варя от неожиданности врезалась в спину Маши, которая шла впереди.

— Здравсьте, — с натянутой улыбкой отозвалась Маша. Она повернулась к Варе и, взяв ее за плечи, выставила перед собой. Общение с Андреем явно не входило в ее планы.

— Как рыбалка? — спросила Варя вежливо.

— Да вон, глядите. — Андрей кивнул на железное ведро у кострища. — Поймал нам красноперок на ночной перекус. Мелкие, заразы, но их в Онеге полно.

Варя закивала головой.

— Супер, спасибо, Андрей. — Выдавливает из себя энтузиазм было непросто. — Мы, наверное, сначала в баньку, а потом займемся рыбами.

— Как знаете, — пожал плечами тот. — Постарайтесь по ночам не шастать, лады?

Варя с Машей синхронно кивнули, провожая Андрея взглядом, пока тот не скрылся за высокими ветками рябины. Потом девчонки переглянулись.

— Почему у нас нет никого, кто бы занимался едой? — заныла Маша.

— Потому что бюджет «Луча» не предполагает расходов на повара, — резонно ответила Варя. — Пойдем, еще баню топить.

Маша разочарованно выдохнула.

Топить баню Андрей научил их в первый день на острове. Это оказалось на удивление умиротворяющим занятием: чем больше Варя делала что-то руками, занималась физическим трудом, а не умственным, как в городе, тем сильнее она ощущала, как замедляются мысли. Сначала ее это пугало — не глупеет ли, думала она. Потом стало легче: текст для материала все так же струился через ее пальцы, а в перерывах мысли были четче, сама же она была сосредоточеннее — могла сфокусироваться на одном деле, а не распыляться на тысячу разных.

Когда ей хотелось отвлечься от работы, она бродила от дома до церкви, где была Маша, а потом искала Андрея, который всегда находил себе занятие на этом богом забытом острове. Иногда она помогала: за пару дней Андрей научил ее колоть дрова и чистить рыбу, хотя второе все еще казалось мерзким до дрожи. Изредка они курили с Машей на пороге церкви и болтали не о работе — такую роскошь в Москве Варя было тяжело представить. Даже несколько дней на Севере казались отдельной осознанной жизнью, а не беготней между рабочими задачами и встречами, на которых приходилось соревноваться в смол-токах.

— Устала как мразь, — выдохнула Маша, когда они, завернутые в полотенца, наконец плюхнулись на лавки в растопленной бане. — Фух.

— Не говори, — согласилась Варя, прикрыв глаза.

Какое-то время они молчали, откисяя после напряженного дня. Варя облокотилась затылком о деревянную стену бани, которую они с Машей скрупулезно отмывали от пыли и времени по приезду — точнее, приплыве — на остров, и медленно вдыхала горячий воздух. В бане она тоже чувствовала себя сырой, но приятно отогретой от северной промерзлости. Маша методично хрустела своей многострадальной спиной так, что Варя даже пару раз поморщилась и пробормотала:

— Не сломайся.

Маша хихикнула, но свою акробатику продолжила. Варя расслабленно улыбнулась и покачала головой, а потом внимательно оглядела Машу.

— Зачем тебе это все? — спросила она вдруг.

— М-м? — не поняла Маша.

— Ну, зачем тебе этот Север, иконы эти? — уточнила Варя. — Почему ты это делаешь?

— Ты это сейчас как журналистка спрашиваешь или как человек?

Варя хмыкнула:

— А журналисты что, не люди?

— Смотри какие журналисты, — протянула Маша многозначительно.

— И то верно. Ну так и?

Выдержав драматичную паузу, Маша ответила:

— За фурри на бусты платят недостаточно.

Варя громко рассмеялась, настолько неожиданным был ответ Маши.

— А за иконы достаточно? — все еще посмеиваясь, спросила она.

— А за иконы еще социальным одобрением доплачивают. Хватает, чтобы сбалансировать фурри, — улыбнулась Маша.

Варя цокнула языком и закатила глаза.

— А сама-то? Ни за что не поверю, что ты укатила через две избы, через три пи... ну ты поняла... ради некой высшей журналистской цели.

— Я не похожа на человека, у которого есть высшая журналистская цель и который может выжить без московских удобств? — возмутилась Варя, но в голосе ее все еще слышались отзвуки смеха.

— По тебе похоже, что ты фанатка кофеен третьей волны, а еще хронически онлайн.

— Грубо.

— А что, неправда?

Варя замялась.

— Чистая правда, — согласилась она негромко и победно развела руками.

— Все-таки тянет тебя в глушь что-то кроме работы, — сказала Маша. — Но пока не понимаю что.

— Не надо меня разгадывать, — предупредила Варя.

— Я все равно попытаюсь, — весело ответила Маша. — Не буду же я черт знает сколько молча и безвылазно писать иконы на карачках.

Варя покачала головой. Как сформулировать, зачем ей Север, она не понимала, но Маша была человеком новым, а с незнакомцами подсознательно было проще делиться сокровенным и важным. Даже если совсем чуть-чуть, полируя и сглаживая острые и грустные углы.

Маша поддерживающе кивнула, чуть подалась вперед, опираясь ладонями о лавку. Варя вздохнула, отвела взгляд.

— Папа любил Север, — сказала она тихо. — Мечтал в старости купить домик в лесу, коз завести, вот это все. Рассказывал мне всегда, что настоящий покой можно только на Севере най-

ти, ни в каком городе такого нет. Атлантида Русского Севера. Он... умер от рака четыре года назад.

Варя опустила голову. Говорить о папе все еще было больно, и она не верила, что однажды может стать легче. Эта рана была разодранной и кровоточащей, она иногда покрывалась корочкой новой кожи — бордовой, грубой и непривычно толстой, — но Варя ожесточенно ее сдирала. Ей думалось, что жить, как прежде, когда папа был рядом, не получится, но она и не хотела так жить. Тяжело жить без куска сердца.

— Извини, — прошептала Маша виновато. — Я не знала.

Варя пожала плечами и шмыгнула носом. Когда папа умер, она даже не всем друзьям рассказала — просто постепенно сократила с ними общение. Казалось, что, если она впустит эту смерть в свою повседневную жизнь, назовет ее по имени, уже не получится притворяться, будто папа жив и это все какая-то нелепая случайность, жестокая шутка или дурацкий путь героя. Варя до сих пор не до конца верила, что папина смерть вообще реальна: все же было хорошо, правда? Жили как жили, и ничто не предвещало. А потом вдруг — внезапные боли, вызов скорой, врачи, два месяца и смерть. И все. Варя и осознать не успела, что происходит. Как можно настолько быстро отпустить человека?

Новым людям она тоже часто врала, рассказывая о папе в настоящем времени вместо прошедшего, хотя и чувствовала неприятный укол совести под ребрами. Соврать Маше у нее не возникло и мысли: та с самого их знакомства в поезде показалась Варе честной — иногда даже слишком — и открытой. Хотелось ответить тем же — правдой за правду, небольшой игрой в секреты. Да и остров виделся Варе местом вне времени и пространства: уж больно он отличался от всего, что она знала. А все, что происходит на острове, остается

на острове, так что и рассказывать личное было чуть менее страшно.

— Давай-ка перекурим с тобой, а? — предложила Маша, вставая с лавки и придерживая полотенце у груди. Кончики ее медных волос были влажными.

Варя кивнула и тоже встала. Темный предбанник, прохладный и крошечный, освещали несколько свечей на медном подносе, но привычного банного уюта в нем не было. По углам были навалены разные вещи, старые стулья — местами без ножек, потрепанные, — пыльная кухонная утварь и тряпки. В предбаннике Варя с Машей ни к чему не прикасались, оставили все как есть. В старых домах, в которых сохранились вещи от предыдущих хозяев, всегда казалось, будто ты в гостях, — не надо ничего трогать и выбрасывать, тебе это не принадлежит. Неважно, что хозяева больше никогда не объявятся. Вещи замерли в бесконечном ожидании их возвращения.

Маша взяла с лавки свою толстовку, вытащила из кармана коричневую пачку «чапмэна» и зажигалку и поманила Варю к выходу кивком. Одеваться они не стали: все равно никого, кроме них, на острове не было — волонтеры разъехались за неделю до их командировки, а Андрей около бани не ошивался, когда они ее занимали. На улице было непривычно светло, хотя по Вариным ощущениям уже давно должно было стемнеть. Белые ночи, сказал Андрей, как только они приехали. Не петербургские — по-настоящему северные. Время пролетало быстро, но без четкого деления дни и ночи сливались в одно и Варя казалось, что все это — один бесконечно длинный день, который тянется и тянется, не заканчиваясь.

Пока Маша ковырялась с пачкой сигарет, одновременно стараясь удержать на себе полотенце, Варя облокотилась о перила веранды, всматриваясь вдаль. На Онегу опустился

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru